

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

ЦИКЛ «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЬНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

ЦИКЛ «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

**ШАНС
ЗАКЛИНАТЕЛИ**

Цикл
«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

АУТОДАФЕ

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 690

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.
П23 Аутодафе: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1657-8

Стучит молот загадочного кузнеца, создавая из пламени кинжалы. В землях княжеств, среди гор, заброшенных деревень, Темнолесья и на морском берегу беснуются темные души. Весь мир замер в ожидании аутодафе — оглашения приговора, который изменит привычный порядок вещей. На пустынной дороге вьется пыль, принося кровавые жертвы, и людям необходима помощь Братства стражей. Кто-то из них должен разгадать тайну и отправиться в путь, полный новых опасностей и приключений.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1657-8

© Пехов А. Ю., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

История первая ТЕМНОЛЕСЬЕ

Я совсем не помню своих родителей. Как они выглядели? Какие у них были голоса? Как они смеялись? О чем мечтали? Мне остается только гадать.

Единственное воспоминание из раннего детства, когда я еще не попал в приют и тем более в Братство,— это колыбельная, которую пела мне мать перед сном. Свеча из оплывшего воска мягко мерцает на столе, накрытом белой кружевной скатертью, и в комнате приятно пахнет сливочным печеньем. Огонек фитиля отражается в маленьком окошке, за которым все белым-бело от снега, в очаге гудит пламя, в комнате тепло, и я проваливаюсь в полудрему, слушая песню.

С тех пор прошло чертовски много лет, но мне часто снится то время, и я всегда просыпаюсь, не дослушав колыбельную до конца. И долго-долго лежу, глядя в потолок очередной комнаты, очередной таверны или же на низко склонившиеся надо мной ветви кленовых рощ и звездное небо, потому что память не ведает милосердия, и у меня не осталось ничего, кроме песни, которой я не знаю, и голоса, который я не слышу.

Как-то я рассказал эту историю Проповеднику, но он лишь пожал плечами да буркнул, что нет ничего удивительного в моей забывчивости. Все забывают свое детство.

Мне есть что возразить. Я помню. Мою комнату и запах печенья. Зиму за окном, свечу и испуганное лицо соседки, бледное, перекошенное, когда на следующий день в Арденау появились первые заболевшие юстирским потом. И трупы на улицах, заметенные снегом, разгорающийся бунт, висельников и стрельбу. Не помню лишь слов колыбельной и того, как умерла моя мать.

Какой-то исповедник, еще в те времена, когда я считал исповедь достаточно важной, чтобы часто бывать на ней, сказал, что произошедшее со мной — божье испытание и награда за него я получу в раю, услышав пение ангелов, которые и споют мне колыбельную. У священников один разговор — в другой жизни будет лучше, а здесь терпи, парень, и не забудь заплатить за исповедь.

Вот только когда я умирал, там, на мартовской грязной дороге, болтаясь на плече Пугала и поливая кровью подтаявший рыхлый снег, никаких песен я не услышал. Не было вообще ничего. Ни слов, ни арфы, ни ароматов полевых цветов и фруктовых деревьев, ни смрада серы и воя истязаемых грешников. Я завис где-то между адом и раем, застрял во мраке забвения, где не вспомнил даже себя, не говоря уже о колыбельной из далекого детства.

Я спал коротким и потому бесконечно сладким сном. В него хотелось зарыться, словно в теплый лебяжий пух, и спать, спать, спать, не думая больше ни о чем. Не живя, не умирая и вообще не существуя, проявить слабость, которую я не позволял себе уже очень давно, уступив управлять моей судьбою тому, для кого это было действительно важно.

Я сдался, наплевал на себя и на тех, кому я был дорог. И за меня все решил кто-то другой...

Была глубокая ночь — то время, когда до рассвета остается вечность и нет никакой надежды увидеть солнечные лучи. Я лежал на спине, чувствуя удивительную, теплую, немного шершавую землю. Она то и дело мерно и глубоко вздыхала подо мной, перед глазами — близко-близко — проплывали крупные звезды. Они были похожи на чьи-то сердца, яркие, мерно пульсирующие, но совершенно холодные и равнодушные.

Безучастные.

Я смотрел и смотрел на них, пока не начали слезиться глаза, пока руку не обожгло острой, кинжальной болью и в груди не вспыхнуло пламя, мгновенно переросшее в бушующий огненный ураган. Он превратил мои внутренности в уголья, а кровь в жидкий огонь, льющийся по сосудам. Звезды закружились, становясь размытыми линиями. Что-то зашипело

рядом, моей руки коснулась холодная змеиная кожа, я дернулся, попытался встать, но веревка, которой меня связали, не давала пошевелиться. Звезды замедлились, стали прежними, морозными, а шипение змеи стихло.

Надо мной склонилась женщина, положила ледяную ладонь мне на лоб, внимательно посмотрела в глаза и ободряюще улыбнулась:

— Все хорошо.

— Я не умер? — через силу задал я самый глупый из всех возможных вопросов.

— Не совсем. Спи, Людвиг. Еще не время просыпаться, ты слишком слаб, — шепнула мне сереброглазая. — Доверься Файрварду, он скоро принесет нас домой, и ты поправишься.

— Огонь... Внутри, — шепнул я ей.

— Спи. Все хорошо.

Ее тонкие пальцы легли мне на виски, серебристые глаза отделились, и пульсирующие сердца звезд погасли.

— Святые угодники! Вся эта чертовщина меня чертовски пугает, и я не понимаю, какого черта здесь торчу! — Проповедник сидел на краю бассейна с кислейшей из всех своих мин, наблюдая за тем, как над водой парят лесные огоньки.

— Ты нервничаешь из-за отсутствия Пугала, — укорил я его, морщась от ноющей боли в боку.

— Еще бы я не нервничал, Людвиг! В последний раз, когда я его видел, оно было с ног до головы облито твоей кровью и с безумным огнем в глазах. Ты ведь знаешь, что с кровью связано много разной темной магии, и вот так просто игнорировать то, что Пугало попробовало ее на вкус, очень даже глупо.

— Как видишь, оно не воспользовалось ситуацией и не прирезало меня.

— Толку тебя было резать? — буркнул он. — И без его серпа в тебе полно дырок, как ты еще жив, ума не приложу. Скажи спасибо, что мы тебя вовремя нашли.

— Спасибо, — покладисто произнес я, сидя по плечи в теплой, пахнувшей хвоей воде целебного бассейна. — И перестань, пожалуйста, нервничать.

— А как иначе? Сейчас конец апреля, нашли мы тебя в

марте, и почти месяц от Пугала никаких вестей. Как только прибыла помощь, оно сделало мне ручкой вот так и убралось, наплевав на все мои просьбы.

— Ничего удивительного. Я бы тоже убрался при виде черного дракона.

Проповедник не дал себя сбить с темы:

— Теперь оно рыскает где-то на материке, а мы с тобой застряли в Темнолесье.

— Тебя, в отличие от меня, ничто здесь не держит, — напомнил я ему. — Можешь сгонять на Большую землю и поискать нашего друга.

Он с сомнением провел по окровавленной щеке:

— Бросить тебя на дьявольском острове, где нечисти больше, чем на любом из шабашей христианского мира? Неплохая идея. Только ради чего мне это делать? Пугало все равно меня не послушает. Разговаривать считает ниже своего достоинства, так что притащить его сюда на веревке не получится.

— Оно само придет, как только ему надоест торчать на ржаном поле. Я вылил на него столько крови, что оно теперь будет сыто и благодушно по меньшей мере несколько месяцев. Так что расслабься.

— Я не могу расслабиться, когда тут каждое дерево и каждое существо несет в себе дьявольское семя. Как ты заметил, они не слишком-то похожи на добрых христиан.

— Добрые христиане есть только в раю и в проповедях приходских священников. В последнее время я начинаю считать, что в нашем мире добрых людей вовсе не существует. Все это миф, дружище Проповедник.

— Тебя в плену у маркграфа по голове случайно не били? — участливо спросила душа. — Не пори чушь. Добрые люди встречаются. Если не веришь, глянь как-нибудь в зеркало.

Я рассмеялся:

— Оставь свою иронию при себе, старый пеликан.

— Я тебя прощаю, потому что ты в любой момент можешь отправиться к праотцам.

— Как ты меня обнадежил. — Я был слишком ироничен для обсуждения столь серьезной темы, как мое здоровье.

— Всегда пожалуйста,— в тон мне ответил Проповедник.— Я буду подле тебя, молясь Ему, чтобы Он не прибрал тебя в свои райские кущи. А Пугало пока пускай развлекается и режет служак Ордена Праведности в свое удовольствие. Того ублюдка, прости господи меня за столь нелестные для него слова, что сдал тебя в руки людям маркграфа, оно напластало на мелкие ломтики.

— Я уже давно заметил, что у Пугала пунктик по поводу ребят из Ордена,— ответил я.— Даже боюсь предположить, чем они ему так насолили.

— Чтобы довести его до ручки, много ума не надо. Ладно... пойду к океану. Выздоравливай.

Холодный стальной океан, грохот волн, отливы и приливы приводили его в детский восторг, и он торчал на берегу целыми днями. Мой собеседник ушел, оставив меня в одиночестве сидеть в бассейне с теплой ярко-синей водой, пахнущей лесом.

Огни, плавающие над ней, превратились из желтых в светло-зеленые, поугасли, и без того темная ночь стала еще темнее, а звезды над головой — ярче.

Я ощутил движение за своей спиной и повернул голову к угольно-черным древесным силуэтам, чувствуя, как в ушах начинает стучать кровь. Внутри сосудов вспыхнул огонь, начал плавить плоть, и я тут же с головой погрузился в воду, чтобы хоть как-то погасить жар.

Когда я вынырнул, огромная серебристая змея выползала из леса — на мгновение она задержалась, встретившись со мной взглядом, а затем легко и изящно нырнула в бассейн. Рептилия была гигантской, и чешуйчатое тело все еще продолжало вытекать из-за деревьев и медленно соскальзывать в воду, хотя хищная, треугольная голова уже появилась на поверхности совсем недалеко от меня. Она потянулась к моему лицу, стрельнула раздвоенным языком, зашипела и, распахнув пасть, впила мне в плечо.

При желании такое чудовище могло бы оторвать мою руку одним рывком. Да что там говорить, оно без труда раздробило бы кости даже быку, не говоря уже о человеке, но в данном случае я не был для нее добычей.

Яд, более похожий на расплавленный металл, проник в

мою и без того зараженную кровь, заставляя ее вспыхнуть пуще прежнего, а смерч, живущий у меня в груди, получив свободу, ринулся метаться из стороны в сторону, с каждым мгновением вырастая и рискуя сжечь меня живьем.

Я застонал от боли, пошатнулся и ушел бы на дно, если бы мощное, мускулистое тело не оказалось под руками. Я ухватился за змею, повис над ней, хватая ртом воздух, и она обвилась вокруг меня кольцами, нежно и осторожно поддерживая.

Когда приступ закончился, я сказал:

— Все в порядке.

София убрала руки, перестав прижиматься ко мне, испытующе заглянула в глаза:

— Точно?

— Точно.— Мне пришлось постараться, чтобы голос звучал уверенно.— Я в норме. Спасибо.

Женщина отступила на шаг, готовая подхватить меня в любое мгновение, а я оперся на бортик, ожидая, когда яд рассосется в мышцах.

— Все не так хорошо, как я думала,— вздохнула она.— В следующий раз постараюсь быть с тобой осторожнее. Надо снизить порции... лекарства.

Я хмыкнул, покачал головой:

— Не стоит, иначе я засижусь в гостях до второго пришествия. У меня слишком много обязанностей на Большой земле.

Это прозвучало гораздо грубее, чем я рассчитывал.

— Извини, Софи. Твои зубы... они, конечно, помогают, но вряд ли кому-нибудь нравится, когда его кусают.

Она мелодично рассмеялась, и лесные огни подлетели, засияли, закружились над нашими головами.

— Никто не любит лечиться, Людвиг.

По ее обнаженной коже стекали капельки воды, и я старался смотреть только на лицо пророчицы. Она улыбнулась, читая мои мысли, отжала мокрые, лучистые волосы.

— Сколько еще это продлится? — негромко спросил я у нее.

— Знаю, что это неприятно и больно, но, как я уже сказа-

ла, все гораздо хуже, чем я считала. Еще недели две... Я так думаю.

Я чертыхнулся про себя. Приехали. Значит, вырваться отсюда я смогу лишь в середине мая.

— Не скажу, что я страдаю от твоего общества, особенно когда ты не лечишь меня,— осторожно ответил я ей и поймал легкую улыбку.— Но так долго сидеть на одном месте... Я страж, и меня ждет работа.

— Работа подождет, Людвиг...

— Но, Софи...

— Слушай меня! — Она впервые на моей памяти повысила голос.— Братство как-нибудь справится без тебя. Справлялось же оно целую тысячу лет и теперь обойдется. Тебе придется задержаться у меня в гостях, пока я, и только я не решу, что ты можешь уйти. В противном случае ты пропрыгаешь месяц, если повезет — два, а затем сдохнешь где-нибудь в дороге. И уж тогда точно можешь забыть и о работе, и о Братстве. Ты понимаешь меня, Синеглазый?

Я вздохнул и покладисто кивнул:

— Да, Софи. Я понимаю.

— Хорошо,— тут же смягчилась она.— Мы должны вычистить твою кровь. Мой яд рано или поздно уничтожит яд окулла, ту тень, что въелась в твою душу, когда тебя ранили. Как только ты будешь готов, клянусь, ты сразу же об этом узнаешь.

— Договорились. Я постоянно забываю, что рана серьезная. Не привык болеть.

— Я помню, что стражи не болеют, но тебя зацепил окулл. Обычные повреждения лесная вода затягивает за несколько часов. Это же до сих пор выглядит так, словно шрамы вот-вот лопнут, и ты истечешь кровью.

В лесу громко и тревожно заухал филин.

— Мне пора,— тут же сказала София, услышав зов.— Увидимся завтра, Людвиг.

— Счастливо.

— Я слышала, что Зивий с тобой наглет. Если тебе надоест, можешь дать ему подзатыльник, я возражать не буду.

Зивий вчера подлил мне в напиток какой-то дряни, так

что я плевался целый час, а эта сволочь хохотала и показывала на меня пальцем с безопасного расстояния.

— Так и поступлю, спасибо.

Она развернулась, проплыла вдоль бассейна, оперлась руками на бортик, подтянулась, легко выбравшись на прохладный лесной воздух, нисколько не стесняясь того, что обнажена, подняла лежащую в траве тунику.

— Подойди, пожалуйста, к Гуэрво, он искал тебя.

— Конечно.

Софи дружелюбно улыбнулась мне на прощание и мягкой поступью удалилась во мрак ночного леса.

Минуту я смотрел ей вслед, а затем произнес в пространство:

— Думаешь, она не знает, что ты за ней подглядываешь, старый извращенец?

Проповедник недовольно ругнулся из кустов и на этот раз убрался окончательно.

Рука после укуса болела, хотя ранки уже затянулись. Вывести яд окулла, попавший в меня с ее когтей, было очень непросто. Возможно, с этим хорошо бы справились святые мощи, но найти подобную вещь в Темнолесье — все равно что обнаружить в городской ратуше дракона.

Однако здесь, в глухих лесах, на западной оконечности мира, на отраву нашлась более сильная отравка, за что мне лишь остается благодарить магию Софии. Мое лечение продвигалось довольно успешно, раз я так быстро встал на ноги.

Думая об этом, я неспешно оделся, ежась от прохладного ночного ветерка. Почти все лесные огни улетели, и лишь один из них, оказывая мне любезность, продолжал освещать местность.

Я застегнул пояс с кинжалом и отправился домой по лесной дорожке, выложенной по краям перламутровыми ракушками. Огонек полетел следом за мною. Я был благодарен ему за такую заботливость, так как путешествие во мраке таило в себе возможные неприятности. Грубо говоря, могло возникнуть непонимание между мной и местным населением. Однажды такое уже случилось, в темноте меня приняли за

еду, и парочка ругару едва не растащила меня на бифштексы. Как оказалось, ночью эти оборотни ни черта не видят.

Так что теперь по окрестностям я старался ходить с сопровождением. Ночью это был огонек, а днем за мной таскался Зивий, который «служил» у Гуэрво не то бездельником, не то нахлебником. То есть практически ничего не делал, спал под крышей и жрал в три горла, пререкаясь по любому поводу. Я бы на месте Гуэрво вышвырнул этого нахала в окно, но хозяин дубовой рощи был куда терпеливее меня.

Пару дней назад я сказал Зивию, когда тот ныл, будто мясо недосолено, что он слишком капризничает и чувствует себя чрезмерно вольготно. Окажись он в наших землях и столкнись нос к носу с клириками, те бы сперва облили его святой водой, а затем потащили на костер или же отдали в руки монахов из Ордена Святого Каликвия.

— Значит, мне повезло, страж,— ответил тот, ковыряясь руками в своей тарелке.— Мясо дрянь, но, если ты не хочешь, твою порцию я тоже съем.

Здесь, на огромном острове, не уступающем размерами Фирвальдену или Бробергеру, старина Зивий мог чувствовать себя в безопасности. Темнолесье — единственное место в нашем мире, где не действует магия клириков. Даже если сюда приплывет Папа вместе со своей святостью или все Христовы апостолы — у них не получится выжать из себя даже малейшего заклинания. Священники, попадая сюда, ничем не отличаются от обычных людей, что им, разумеется, не нравится.

Церковь несколько раз пыталась завоевать Темнолесье, но этим грандиозным планам не дано было осуществиться. Святому Престолу крепко дали по зубам, настолько крепко, что больше сюда уже не лезли ни ради религии, ни ради завоевания новых земель. У колдунов, ведьм и иных существ мрачных лесов имелось неоспоримое преимущество — магия, которой не было у чужаков.

Клирикам пришлось объявить территории проклятыми и под страхом отлучения запретить жителям просвещенного мира приближаться к этой земле. И Темнолесье осталось предоставлено само себе почти на восемь сотен лет, являясь последним оплотом для древней магии. Первобытной, мощ-

ной, сильной, той, которой пользуются истинные ведьмы и которую не одобряют святые книги. Последний источник силы, последние знания, последние иные существа, ранее населявшие весь континент и жившие бок о бок с людьми. Станных созданий здесь было намного больше, чем в Кайзервальде и во всех дремучих уголках множества стран.

Правда, следует заметить, что кроме иных существ на восточном берегу великих лесов есть несколько людских городков, где живут бежавшие сюда от преследований инквизиции за колдовство, хранение запрещенной литературы, вскрытие трупов с целью изучения анатомии, поддержку теорий древних языческих философов или вивисекцию лягушек по рекомендациям хагжитских научных фолиантов. Тут стоит сказать, что не всех принимают с распростертыми объятиями и многих беглецов, несмотря на их просьбы, отправляют назад.

Я спрашивал у Софии, кто и по каким критериям решает, кому остаться, а кому уйти, она мягко улыбнулась, ответив:

— Само Темнолесье, Людвиг. Его сердце. Мы лишь слушаем его и выполняем приказ. Не нам решать, кто имеет право жить здесь.

— А насчет меня? Тоже Темнолесье решило?

Пророчица вздохнула и сказала:

— Будем считать, что ты здесь по моему личному приглашению. Мне понравилось, как ты танцевал на балу в Ночь Ведьм.

Было видно, что она не желает продолжать эту тему, и я перестал тревожить ее вопросами.

— Броброй ночи. Скобро бубрет бродь, — глухо прогудела огромная старая жаба в кружевной шляпе и розовой манишке. Во время прогулок по лесу я встречал эту забавную старушеницу уже несколько раз, так что можно сказать, что мы с ней добрые знакомые.

— Благодарю вас за предупреждение.

Она важно кивнула, выстрелила языком и, поймав огромного ночного жука, отправила его в пасть.

От дорожки в темноту леса убегало множество троп, но я, наученный местными обычаями, не собирался шляться там,

где это не стоит делать человеку. Покровительство Софии распространяется на меня лишь на ее землях, совсем небольшой лесной территории, примыкающей к океану. В других местах какой-нибудь лесной троплодит мог быть не в курсе того, что я чей-то гость, и вполне способен живьем содрать с меня кожу.

Людей здесь, возможно, терпели, но не любили.

На дорогу из леса выбралось нечто непонятное, на четырех лапах-веточках, со свалывшейся кошачьей шерстью. Его красные глазки уставились на меня, затем на волшебный огонек. Существо шумно рыгнуло, одной из лап залезло себе в слюнявую пасть, поковырялось, разочарованно вздохнуло и скрылось за деревьями, волоча за хвост лису с раздробленной головой, оставляющей за собой кровавый след.

Возле развилки, под старой сосной, собрались физы. Тощие парни с моховыми бородами, в которых брусники было больше, чем блох на уличной собаке, обсуждали завтрашний сбор шишек. Один, завидев меня, вежливо коснулся шляпы, сделанной из гриба-трутовика, и я кивнул ему в ответ, хотя виделись мы впервые. Остальная компания была слишком занята мерянием бород, чтобы отвлекаться на прохожего.

По дорожке, тянущейся параллельно звонкому ручью, я дошел до узкой лесной речушки с быстрым течением, где на берегах ивы склонили ветви над темной водой. По утрам на деревьях частенько качались ливьены, легконогие девушки с медовыми волосами и акульими зубами. Они прыгали в омуты, где жили злые топлуны, дразнили их острыми палочками, вынуждая играть в догонялки. Пару раз девицы пытались втянуть меня в их рискованную игру, но я, разумеется, отказался. Чтобы соревноваться с речными жителями в плавании, надо как минимум отрастить плавники и уметь дышать под водой.

Сейчас ветви ив были пусты, и их шевелил лишь ветер да течение. Между молодых листочков сновали огненные искры — миниатюрные духи пламени, обитающие в очаге Гуэрво и вечно расплзающиеся по рощам, как только наступала темнота.

Несколько десятков этой мелочи ринулось ко мне, весело мигая и пытаясь оттолкнуть с дороги лесной огонек.

— Старая жаба сказала, что скоро будет дождь. Смотрите не погасните,— предупредил я их.

В дряхлой развалившейся лачуге, пристроенной к мертвой иве, жила какая-то пакость, и я старался ее не беспокоить, иначе она начинала выть и ругаться на весь лес. Характер у жильца был прескверный, иначе бы он никогда не наткал черепов на плетень и не обтянул человеческой кожей ставни и дверь.

Даже огонек, словно чувствуя мои желания, притушил свет, и я прокрался мимо огорода, где кроме одурманивающей сознание травы зрели свежие людские головы, беззвучно распахивающие рты и страшно вращающие незрячими глазами. Когда Проповедник впервые увидел это зрелище, ему разом поплохело, и он уполз к океану на целых три дня.

Едва я вошел в дубовую рощу, меня окликнули.

— Людвиг! — донесся с ближайшего дерева надтреснутый старческий голос.

Я задрал голову к густой листве:

— Что?

— Не хочу идти к океану. Принеси мне янтарь.

— Ты бы спустилась.

— Нет. Мне очень нужно. Принеси. Никто не хочет помочь. Не желает меня слушать.

— Если найду, принесу,— пообещал я.

Старуха Агатан безобидна, живет особняком, на дереве, наверное, в огромном дупле, и старается никому не показываться на глаза. У нее не все дома.

Дубовая роща принадлежит Гуэрво. София рассказывала, что он когда-то сам посадил здесь множество желудей, принесенных из другой части леса, которые затем превратились в величественные деревья. Его дом, красивый особняк с остроконечной крышей, был виден только тем, кому это позволялось, так же как и грот с хрустальным водопадом, где жила София.

На крыльце, завернувшись в медвежью шкуру, дрых Зивий. Его рот был приоткрыт, и от этого лицо, и без того бе-

зобразное, стало еще более отталкивающим, чем обычно. Когда я проходил мимо, он всхрипнул, приоткрыл красный глаз, нечетко выговорил ругательство и перевернулся на другой бок, с головой укрывшись шкурой.

Гуэрво принадлежал к народу виенго, тому самому, о котором любили складывать пословицы вроде «Будешь лгать, и виенго снимут с тебя кожу» или «Украдешь, и виенго намотают твои кишки на дерево». Фразы появились не на пустом месте, этот народ всегда был жесток и кровожаден. Хотя о хозяине роши и дома я так сказать не мог. Друга Софии я знал лишь с хорошей стороны: он был гостеприимен, улыбчив, спокоен и выдержан.

Гуэрво восседал перед камином на большом пне, заменявшем кресло, и внимательно читал библию. Он оторвал взгляд от страницы, просиял, сверкнув ровными зубами:

— Людвиг, доброй ночи. Извини, что попросил зайти тебя так поздно. Надеюсь, я не доставил тебе большого беспокойства?

У приятеля Софии порой обостренное чувство вежливости.

— Все в порядке.

До нашего знакомства мы виделись лишь единожды, мельком, на балу ведьм в замке Кобнэк, куда он прилетал вместе с пророчицей. Не запомнить его было невозможно, потому что не каждый день встретишь человека с оленьими рогами на голове. Говорят, рога виенго обладают удивительными целебными свойствами, вот только добыть их не так-то просто. Скажем так, гораздо проще залезть в берлогу к голодному медведю, чем устроить охоту на кого-нибудь из этого народа. Обычно выходит так, что охотник и жертва меняются ролями, и головы добытчиков рогов оказываются в жилище виенго.

У Гуэрво, кстати говоря, подобных трофеев было предостаточно — вся стена в холле украшена человеческими черепами. Несколько жутковатая картина, особенно если учесть всю остальную обстановку — уютную, комфортную и домашнюю. Проповедник сказал, что, будь тут Пугало, оно, вне всякого сомнения, оценило бы подобную игру контрастов.

— Как ты смотришь на небольшую прогулку перед сном, аэрго¹?

— Прямо сейчас? — удивился я.

— Если ты не против. — Его губы улыбались, хотя изумрудные глаза с золотистыми лучиками оставались серьезными.

— Хорошо. Давай прогуляемся.

— Вот и славно!

Он положил в библию закладку, встал, сразу же оказавшись выше меня на голову. Его болотного цвета комбинезон, сотканный из мхов и лишайников, перестал мерцать, потемнел и, растекшись, превратился в плащ, а сияющие серебром оленьи рога потускнели и затем совсем погасли.

— Здесь недалеко. Думаю, тебе будет любопытно увидеть подобное зрелище.

— Звучит интригующе.

Гуэрво взял огромный лук из золотистого дерева, казалось сплошь состоящий из изгибов, отростков и шипов, напряг мощные руки, натянул тетиву и перебросил через плечо колчан, где покоились длинные стрелы с пестрым оперением.

— Пойдем, пожалуйста, — негромко сказал он.

Зивий снова проснулся, проводил нас злым взглядом, буркнув:

— Поперлись на ночь глядя. Лучше бы спали! Никто не против, если я переберусь в дом?

— Не смей занимать кровати. Можешь лечь у камина, — сказал оленерогий. — А ты останься.

Последние слова предназначались лесному огоньку, который до сих пор сопровождал меня.

Как только мы вышли из роши, сразу за деревом Агатан, которая опять стала просить принести ей янтарь, Гуэрво сошел с тропы, и мрак леса поглотил его. Я поспешил следом.

Ходил мой спутник удивительно мягко и неслышно, точно призрак. Его большие рога нисколько не мешали продвигаться по лесу, не задевали низких ветвей и не создавали шума. Он, словно благородный олень, излучал природную мощь и стремительность. Но шагал сейчас небыстро, так, чтобы я не отставал, то и дело останавливаясь и вежливо дожидаясь, когда я окажусь рядом.

¹ Аэрго (*виенго*) — друг.

Мои глаза через какое-то время привыкли к мраку, стали различать тени, силуэты и детали ночного леса. Мы пробирались через рощи, заросшие густым папоротником, чьи листочки мерцали голубоватыми бликами, через поляны, где ноги утопали в мягком, благоухающем брусничной мхе, мимо вековых деревьев, чьи стволы снизу заросли бородатой лишайником, над которым кружили мотыльки с огненно-желтыми крыльями и мерцающие искры светляков.

Кое-где в темноте бледно-зеленым могильным огнем полыхали старые пни, в ветвях то и дело сверкали красные точки глаз местного народца, один раз над нашими головами бесшумно пронеслась крылатая тень с непомерно большой головой на длинной шее.

Ночной лес был наполнен звуками — шумом ветра в ветвях, тоскливыми криками ночных птиц, шелканьем, уханьем, отдаленным заунывным хохотом, напоминающим плач гиены. То и дело что-то шуршало в подлеске, корябало коготками, пробегаая по коре, хихикало в ветвях, тяжело вздыхало в кустарнике, с треском ломилось через валежник.

Какие-то легконогие тени, похожие на маленьких антилоп, испуганные нашим появлением, бросились прочь, недовольно повизгивая. Нечто вроде огромной лимонно-желтой сороконожки с сияющими лапками и усиками, извиваясь, проползло по древесному стволу, и я подумал, что будет, если эта отвратительная гадина упадет кому-нибудь за шиворот.

Однажды к Гуэрво обратился низкий замогильный голос, прозвучавший из-под корней могучего дуба на непонятном мне языке. Виенго ответил одной резкой фразой и на мой вопрос пояснил, когда мы уже прошли это место:

— У меня спросили, не могу ли я поделиться с ним тобою, аэрго.

— Не понимаю.

— Тебя сочли моей едой. Хотели немного мяса. Не люблю попрошаек и лентяев. Еды вокруг полно, но ему лень вылезти из логова, чтобы поохотиться. В ночное время о еде думают многие.

Словно подтверждая его слова, из мрака выступила высокая, долговязая фигура и угрожающе зарычала, но увидела

оленьи рога, тоненько пискнула «простите» и смылась, прежде чем я успел испугаться.

— Серьезная у тебя репутация,— сказал я и почувствовал, как он улыбается:

— Это старый знакомый. У него плохое зрение, так что он порой ошибается в выборе. Мы прошли половину пути. Когда вернемся домой, угощу тебя светлячковым вином.

— Заманчиво,— сказал я.— Надеюсь, его делают не из светлячков?

Гуэрво негромко рассмеялся:

— Нет.

Чем дальше мы шли, тем сильнее пахло солью и морем. Эти запахи смешивались с ароматом хвои, листвы, мха, влажного леса, грибов и горьких ягод. Затем я услышал отдаленный рокот, который в конце концов начал заглушать все другие звуки.

Мы вышли из леса на открытое место, где дул резкий, ледяной ветер и слышался шум прибоя. Я понял, что стою на возвышении, гранитных скалах, и, чтобы спуститься вниз, к берегу, придется постараться.

— Нам к океану? — спросил я, гадая, как слезть по отвесной скале.

— Нет,— улыбнулся Гуэрво, показав на узкую расщелину возле кустов боярышника.— Нам сюда.

Расщелина оказалась сквозной пещерой, в которой идти пришлось буквально на ощупь.

— Пожалуйста, смотри под ноги, аэрго,— попросил мой спутник.

Мы вошли в ущелье с невысокими стенами, тянущееся вдоль океанского берега. На дне тек ручей, а скалы, по мере того как мы продвигались вперед, вырастали в размерах, но не могли заглушить шума волн. Виенго прыгал с камня на камень ловко и легко, а я уже порядком устал, и рана на боку начинала болеть. Друг Софии заметил это и дал мне несколько минут на отдых. Ущелье расширилось настолько, что превратилось в котловину, заросшую по внешнему краю густыми елями. На дальнем конце она заканчивалась огромным, бесформенным холмом угольно-черного цвета.

Низкое, глухое, угрожающее рычание, от которого задро-

жала земля, заставило мои волосы встать дыбом, а руку схватиться за кинжал.

Холм внезапно ожил, зашевелился, со змеиной грацией повернулся, скребя камнем о камень, и из мрака на длинной лебединой шее вынырнула огромная башка со злыми лиловыми глазами и узкой зубастой пастью.

— Спокойно, Файрвард,— дружелюбно произнес Гуэрво.— Это мы.

Огромное существо, наверное с половину рыночной площади Арденау, было черным, лоснящимся и больше всего напоминало морского угря, только с острым гребнем, тянущимся по хребту. Крыльев, в отличие от сказочных драконов, у него не было, хотя это нисколько не мешало ему летать.

Файрвард тяжело вздохнул, подавив гнев, с подозрением зыркнул на меня и неохотно отодвинулся, открывая дорогу.

— Спасибо, что принес меня в Темнолесье,— сказал я ему.— София говорила, если бы не твоя помощь, я бы умер.

Дракон прищурился и раздраженно выпустил из ноздрей малиновые искры, пропищав тонким голосом целую фразу.

— Он говорит, что ты можешь отплатить за этот долг,— перевел Гуэрво.

— Каким образом?

— Иди, пожалуйста, за мной, аэрг. Смотри. Вон там. Только, пожалуйста, не приближайся. Файрвард начинает нервничать.

— Глазам своим не верю,— заворожено прошептал я.

— Ты уж поверь, пожалуйста.

В двадцати шагах от меня, среди сложенных кольцом камней, лежало шесть крупных, примерно с человека, драконьих яиц. Внутри них, казалось, горело неугасимое пламя, и его пульсация была видна даже сквозь гладкую янтарную чешую.

— Они прекрасны,— сказал я.

— Но драконов из них не появляется. Кладка погибает, когда до вылупления остается несколько часов.

Дракон протрубил что-то на незнакомом мне языке, да так громко, что у меня зазвенело в ушах. Гуэрво успокаивающе поднял руку и ответил чудовищу на том же наречии, затем пояснил для меня:

— Это случится через несколько дней. Нечто уничтожает яйца, выпивает огонь их жизни, оставляя лишь пустую скорлупу. Поначалу мы думали, что это магия или проклятие, но так ничего и не смогли найти. Я и София подозреваем, что этим занимается темная душа.

Я был удивлен таким предположением. Темным душам плевать на драконов, волков или полевых мышей. Их интересуют только люди — главный источник жизни и ненависти.

— Теперь я понимаю, почему Файрвард согласился принести меня в Темнолесье. Сколько раз гибла кладка?

— Много.

— А стража вы зовете только сейчас.

— Вас довольно тяжело заполучить к себе в гости, аэрго.

— Все происходит в последнюю ночь? Перед появлением драконов? Не раньше и не позже?

— Верно.

— Хм. А кладка? Ее никто не пробовал перенести в другое место? Куда-нибудь в пустоши Ньюгорта или дикие земли Ровалии?

— К сожалению, это невозможно. Прежние времена прошли, и драконы могут рождаться только в Темнолесье, где много магии, нужной им для жизни и роста. Ваша церковь вырубилла все священные деревья на материке, чтобы не давать колдунам и ведьмам дополнительной силы. Так что ты думаешь о нашей теории, аэрго?

— Мне надо подойти ближе и рассмотреть все внимательно.

Дракон выпустил клубы дыма и рыкнул коротко и раздраженно.

— Перевод не требуется, спасибо, — сухо сказал я. — И так понятно, что, если я трону его сокровище, от меня и мокрого места не останется.

Гуэрво виновато улыбнулся, и я в одиночестве пошел к яйцам под пристальным, подозрительным и не слишком дружелюбным вниманием Файрварда. Он мягко передвинулся, оказавшись рядом, и, обжигая дыханием, навис надо мной.

— Если ждешь помощи, то не мешай, — сказал я ему и за-

работал очередной злющий взгляд.— Гуэрво, они и вправду из янтаря?

— Разве ты не слышал легенду о том, что весь янтарь, что выбрасывает море и океан,— это осколки скорлупы драконов? Раньше детей огня и тьмы было гораздо больше, чем сейчас.

— Это только легенда.— Я пытался найти признаки присутствия душ и не находил их.— А мне желательны факты. Так это янтарь?

— Да. Это настоящий янтарь, истинный, не тот, что дают деревья. А что?

Файрвард внимательно прислушивался к нашему разговору.

— Есть несколько видов душ, которых можно подманить не только кровью, но и разными материалами. Травами или минералами. Есть души, которые любят быть рядом с янтарем, но они не темные и не причиняют вреда живым существам. По правде говоря, я не вижу здесь никаких признаков темных созданий. Если они и есть, то никто из них не приходил сюда достаточно давно для того, чтобы созданная мною *фигура* их не чувствовала.

— Но она, или они, появятся. И произойдет то же, что и всегда. Нам нужна твоя помощь.

Я посмотрел на оленерогого виенго, на дракона и осторожно сказал:

— Конечно, я помогу вам, но обещать ничего не могу. Слишком мало информации, и пока я даже не предполагаю, с чем здесь столкнулся.

С набежавших облаков начал накрапывать мелкий дождик, который предсказала знакомая жаба, и Гуэрво произнес:

— Нам пора уходить. Обсудим детали у меня дома.

— Я могу поставить защитную *фигуру*, если хотите. Она, быть может, остановит неизвестного, если, конечно, это душа. Но мне потребуется вытащить кинжал.

Я многозначительно посмотрел на дракона, тот вздохнул и отодвинулся на малюсенький шаг.

— Файрвард сторожит кладку, а где мать? — спросил я, создавая набросок.

— В небе. Она прилетит, когда появятся дети... Если появятся.

— Постараюсь, чтобы появились,— пообещал я им.

Светлячковое вино оказалось ярко-зеленым и тускло сияло сквозь тонкие стенки хрустального бокала. У напитка был легкий мятный привкус, и бутылка довольно быстро опустела. Я слушал рассказ Гуэрво, но чем больше узнавал, тем сильнее сомневался, что здесь дело в душе.

Дождь лил как из ведра, затопил лес, и Зивий, из любопытства высунувшийся на улицу, вымок до нитки. Когда он вернулся к камину, от него так несло мокрой шерстью, что Виенго попросил нахлебника пойти и нормально вымыться, а когда тот отказался, без всяких церемоний отправил его спать на чердак.

Я тоже уже хотел спать, но решил дождаться Софии и услышать ее мнение по поводу гибели потомства дракона.

Пророчица вошла в дом неслышно, источая аромат кедровой смолы. Ее намокшая короткая серебристая туника липла к гибкому телу. Виенго подкинул дров в камин, принес теплое одеяло, усадил переодевшуюся гостью в кресло и открыл новую бутылку вина:

— Ты не меняешь своих старых привычек, ваэлго¹. Дождь все так же манит тебя.

— Он смывает видения, старый друг. В такие часы я могу побыть наедине с самой собой. Для меня это бесценное время. Ты показал Людвигу?

— Да.

— А рассказал, что, если драконы исчезнут, мы станем слабее?

— Нет.

Она повернулась ко мне:

— Эти существа жили в Темнолесье задолго до появления людей, и они стали частью магии моего мира. С их гибелью многие наши умения сойдут на нет, а это значит, что люди придут на наши земли. Я не желаю видеть тут клириков, которые не могли сюда попасть так долго. Они уничтожат здесь все, как уничтожили на материке. Леса Эйры — последнее

¹ Ваэлго (виенго) — видящая.

прибежище таких, как мы. Я не хотела бы уходить за океан. Вот почему нам так важно, чтобы яйца остались целыми. Черных драконов в мире совсем немного.

— Я уже спрашивал у Гуэрво и спрошу у тебя. Почему не вызвали стража раньше?

— Братство отказало в нашей просьбе.

— Вот как? Магистры отказали...

— Они не желают портить отношения с Риापано. Никому из вас не нужны осложнения со священниками. Как они сказали, им хватает неприятностей с Орденом Праведности.

— Понимаю. А я здесь неофициально, что очень удобно для всех нас.

— Если честно, тебя здесь вообще нет, аэрго, — улыбнулся Гуэрво. — Скажу больше: если кто-то на Большой земле узнает, что ты побывал в Темнолесье, то от тебя так просто не отстанут. Обязательно захотят выведать, что ты видел, с кем говорил и какой бес в тебя вселился. А так никаких вопросов к тебе или к Братству. Ничто не нарушит спокойный сон и тихую жизнь стражей.

— Тихая жизнь? Это точно не про нас, — усмехнулся я. — Я помогу вам, Софи. Это самое малое, чем я могу отплатить тебе за спасение моей жизни, а Гуэрво за гостеприимство. Но у меня нет никакой уверенности, что это душа. Темные души остаются только после смерти людей, а пока я здесь живу, не видел ни одного человека. Сплошные иные существа.

— Ты заблуждаешься, если считаешь, что в лесах Эйры мало людей, аэрго. В двух часах ходьбы отсюда есть деревня виктов.

— Никогда не слышал о таком народе.

Гуэрво вздохнул и пояснил:

— Варвары с Волчьих островов. Они высадились на северном берегу около ста лет назад, когда их земли начал косить юстирский пот, привезенный торговцами из Ньюгорта. Тогда начались скитания кланов.

— Вспомнил, — сказал я. — Их корабли пару сотен лет назад причаливали к Альбаланду и Прогансу во время грабительских набегов. Деревня — это ближайшее место, где живут люди?

— Единственный поселок на западном берегу. До других поселений надо много дней идти на восток.

— Значит, мне следует сходить в деревню и проверить, есть ли там души.

— Сходить ты, конечно, можешь, аэрго, но с тебя живьем спустят кожу. Чужаков там не любят.

— Их нигде не любят. Давайте подумаем над тем, как мне туда попасть. Деревня и кладбище — это то, что требуется проверить в первую очередь.

— Они неплохо относятся к Зивию.— София, согревшись, сбросила с себя одеяло.— Точнее, очень даже хорошо.

— Верно,— подтвердил Гуэрво.— Его сочли внешне похожим на одного из их божков плодородия и похоти, так что наш хитрец постоянно пользуется этим обстоятельством.

— Эм... Я вот хотел заметить, что быть под защитой Зивия...— Я постарался подобрать вежливые слова.— Не очень надежно.

— Зря беспокоишься. Зивий меня хорошо знает, если с тобой что-то случится, я рассержусь.

— Звучит очень обнадеживающе. Находясь на колу, я буду искренне радоваться, что ты устроишь взбучку этому гаденышу.

— Это наш единственный вариант, аэрго. Другой — Софи должна уничтожить местных, чтобы ты смог там пройти без опасения получить копьё в спину.

— Грустная альтернатива,— вздохнул я.— Значит, пусть будет Зивий, раз время не терпит. Скажите, у виктов были какие-нибудь трения с драконом?

София улыбнулась, а Гуэрво рассмеялся:

— Трения?! С драконом?! С Файрвардом не может быть никаких трений, аэрго! Ты видел его размеры?!

— Вот именно об этом я и говорю. Он им никак не насолил?

— Его не особо интересуют люди, если они не лезут в его логово, но гарантировать не могу. Я не говорил с ним на этот счет.

— Не нравится мне вся эта ситуация,— вздохнул я, с трудом борясь со сном.— Ты — пророчица, видишь будущее...

— Драконы неподвластны времени и видениям, Людвиг.

Они сами время и видения. Я не знаю ничего, что связано с этим. И мое колдовство не дает ответов. Поверь, я пыталась найти преступника, но все предыдущие кладки были уничтожены, и новая под угрозой. В замке Кобнэк я многих расспрашивала, но никто ничего не смог мне ответить, даже древние ведьмы, даже профессора университетов. Вся надежда на тебя. Может, ты знаешь?

Я чувствовал ее глубокое отчаяние и боль. Свои эмоции она скрывала гораздо хуже, чем Гуэрво.

Я с сожалением покачал головой:

— Темных душ великое множество, Софи. Никогда не слышал, чтобы они напали на дракона или его потомство. Я сделаю все, что смогу, и если это душа, то найду ее. Обещаю.

Разбудили меня достаточно мерзким способом — бесцеремонно пнув копытом в бок. Это получилось очень болезненно, и я, злой спросонья, перехватил ногу Зивия во время второго удара, рванул на себя, одновременно крутанув так, что он ахнул от неожиданности и с грохотом рухнул на пол, как следует приложившись затылком.

— Урод!

— И тебе доброе утро, — сказал я, потирая сквозь рубашку ушибленное место. — Ты нашел отличный способ будить людей. Не боишься, что кто-нибудь менее добрый, чем я, воткнет в твое толстое пузо кинжал?

— Скажи спасибо, что не кинул тебе в постель гадюку или гнездо с проклятыми шершнями. Это был всего лишь дружеский пинок, и как ты на него ответил? Ау! Теперь шишка будет. Вставай, страж. Чем быстрее я закончу с делами, тем быстрее избавлюсь от твоей компании. — Низкорослый собеседник утопал в гостиную, раздраженно почесывая у себя под мышкой.

Зивий из племени боздуханов, а этот народ частенько путают с чертями. По-моему, это случилось оттого, что какой-то художник увидел одного из боздуханов и изобразил его вместо беса на довольно известной гравюре «Черти жарят убийцу в пекле».

Старина Зивий своим внешним видом может напугать

любого верующего. Большие копыта, толстые волосатые ляжки, кожаная набедренная повязка, крысиный розовый хвост, волосатое брюхо, когтистые пальцы, уродливая голова с огромнейшим носом, круглые желтые глаза, маленькие рожки, торчащие из-под жестких волос, ну и, разумеется, дурной мерзопакостный характер. Не хватает лишь вил, которыми следует переворачивать грешника на сковородке, дабы хорошенько поджарить его со всех сторон.

— Мог бы и предупредить, что он идет, — недовольно сказал я ухмыляющемуся Проповеднику.

Тот все это время торчал в комнате и довольно скалился.

— Я бы так и сделал, если бы тебе угрожала опасность. Он всего лишь развлекался. К тому же чертово племя несколько зол на тебя. Когда Гуэрво попросил его быть твоим провожатым, а бес отказался, виенго взял его за шкирку и встряхнул, словно щенка.

— Теперь понятно, отчего у него такое дурное настроение. Будь любезен, поведай, отчего твоя физиономия столь мрачна и от тебя за лигу веет недовольством. Кто послужил причиной твоей печали?

— Ты. — Старый пеликан ткнул в меня сухим пальцем.

— Чем я мог тебе досадить, пока спал?

— Тем, что согласился спасти драконово отродье.

— Не будь его, я бы истек кровью где-то на юге Фирвальдена. Не забывай, что я здесь оказался именно благодаря его умению летать.

— «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним»¹.

— Вот только чушь не мели! — Я застегнул пояс, поправил кинжал. — Тебе прекрасно известно, что драконы не имеют ничего общего с Сатаной. Дьявол сам по себе, а эти существа сами по себе. Поверь, я не попаду в ад оттого, что буду исполнять свою работу и уничтожать темные души.

— Смотри себя не уничтожь. Ты каждый вечер корчишься от боли в бассейне, в твоей крови полно яда, и еще неизвестно, как это скажется на тебе в будущем. Надо уезжать отсюда.

¹ Откр. 12, 9.

Как ты думаешь, если мы отправимся из этого логова тьмы прямо сейчас, ты не развалишься в пути?

— Боюсь, что развалюсь. К тому же обижу Софию.

— Да плевать мне на ее обиду, — буркнул Проповедник, падая на кровать. — Обиды ведь меня точно не интересуют. Ладно... Поступай как хочешь. В конце концов, это же твоя душа. Кстати, не проси от меня помощи, если дракон в благодарность сожрет тебя вместе с твоим чудесным кинжалом.

Я сокрушенно покачал головой и вышел из комнаты. Старикан действительно не в духе. Таким я его не видел уже года два, с тех пор как мы застряли из-за весенних паводков в дебрях Хунги, и его единственным развлечением было сидеть на крыше и наблюдать за тем, как мимо проплывают трупы, вымытые наводнением из неглубоких могил.

— С кем это ты там трепался, страж? — Зивий развалился на кресле-пне Гуэрво.

Когда виенго был дома, боздухан такого себе не позволял.

— С душой.

— Жратва на столе, скажи спасибо Гуэрво. Он просил меня отвести тебя в деревню виктов. Так что пошевеливайся. Не хочу потерять из-за тебя целый день.

— Ты мне еще тут покомандуй.

Он скривился, сцапал со стола кусок ржаного хлеба и, запихнув в пасть, начал жевать, мрачно поглядывая на то, как я приканчиваю остальную еду.

Проповедник так и не вышел. Я перекусил на скорую руку и следом за боздуханом направился к выходу.

От дождя, шедшего всю ночь, остался густой запах весенней свежести, молодой зелени и мокрой земли. Трава на лужайке была влажной, и с листы все еще мерно падали задержавшиеся капли, хотя тяжелые дождевые облака уже давно уползли далеко в океан.

— Все мокрое, — скривился боздухан. — Шерсть опять будет целый день вонять.

— Так вымойся нормально.

— Не люблю горячую воду и мыло. От него жжет глаза.

— София сказала, что идти два часа.

— С тобой все три.

— Это еще почему?

Зивий стал загибать толстые, словно сосиски, пальцы:

— Во-первых, тащиться с тобой через Росяную пуцу — все равно что идти мимо псарни и тянуть за собой окровавленный кусок мяса на веревке. В лучшем случае останется огрызок веревки. В худшем — откусят еще и руки. Но при любом раскладе, куска мяса, то есть тебя, больше не будет. Темнолесье, оно, знаешь ли, большое, и не для всех наш друг виенго является пугалом. Во-вторых, по лесу ты будешь плестись, как и любой другой человек, медленно и уныло. Я успею состариться, моя шерсть поседеет, а мои дети вырастут и заведут внуков...

— У тебя нет детей.

— Могли бы быть, если бы я не возился с тобой каждый день. Гуэрво удружил, ничего не скажешь!

— Откажись.

— Не могу. Я его должник. Он вытащил меня из слюнявой пасти одной гадины, живущей в Дальнем урочище, так что мне придется расплачиваться за его добрый поступок. С учетом того, что через лес ты будешь ползти, как слепой, мы пойдем по океанскому берегу. Так быстрее. У тебя есть что-нибудь посерьезнее этой ковырлялки? — Зивий указал пальцем на кинжал.

— Нет.

— Это мы исправим.

Он скрылся в доме и вернулся, волоча за собой длинный меч прошлого века с вычурной рукоятью и широченным клинком.

— Вот.

— Откуда эта древность? — Я не смог скрыть скептицизм.

— Остался нам от одного охотника, который мечтал добыть рога Гуэрво. Но случилось так, что черепушка охотника теперь висит на стене. Второй ряд, третья слева, если не ошибаюсь.

— Ты думаешь, разумно появляться у виктов с такой оглоблей?

— Я думаю, неразумно приходить к ним без оружия. Они считают, что мужчина должен быть вооружен.

— Ну тогда поищи в закромах Гуэрво что-нибудь более подходящее для меня.

— Думаешь, у него здесь оружейный склад?! — окрысился Зивий. — Ему железо и задаром не нужно. Это я притащил меч.

— Вот и тащи его дальше сам.

— Черт с тобой, страж! Иди с кинжалом, но, когда над тобой будут смеяться и тыкать пальцем, не обижайся. И если попросят снять штаны, чтобы убедиться, что ты мужик, а не баба, изволь удовлетворить их любопытство, иначе они не будут с тобой разговаривать.

— Кому ты заливаешь, Зивий? — ухмыльнулся я. — Тебя там считают лесным богом, что проливает свое благорасположение на их землю, дабы пшеница росла. Они с радостью со мной поговорят, стоит лишь тебе об этом попросить.

— Ты меня уже утомил, а нам еще столько часов идти. — Боздухан в раздражении бросил меч на крыльцо и решитель-но пошел в лес, даже не проверяя, следуя ли я за ним.

Океан впал в спячку, словно великан, растративший силы в тяжелом сражении. Начался последний час отлива, и серая, все еще холодная весенняя вода отступила далеко-далеко, к торчащим из моря грибовидным скалам, обнажая пористый, едва покрытый бурными водорослями берег.

На нем царило настоящее оживление. В оставшихся после ухода воды лужах плескалась рыба, которую руками и лапами пытались поймать выбравшиеся из леса и окрестных холмов создания. Здоровые крабы деловито щелкали клешнями и забивались в узкие щели, а какие-то ребята, похожие на енотов, но только с алыми и зелеными попугайскими перьями вместо шерсти, старались выковырять их оттуда палочками, замогильно хохоча.

Бирюзовые тщедушные люди, наполовину высунувшись из розовых и зеленых шипастых раковин, непринужденно вели друг с другом беседу и курили ароматные палочки, ожидая, когда вода вновь накатит и накроет их дома с головой. Мы прошли достаточно близко от одного из них, и он ловко спрятался в раковине, раздраженно крикнув нам что-то на своем языке.

— Ах ты, сволочь! — прорычал Зивий, явно поняв, что нам сказали, подошел к раковине и с досадой шархнул по

ней копытом, отбив приличный кусок перламутра, и, наклонившись, заорал в створки: — Только еще раз скажи мне такое! Сил не пожалею чтобы отволочь тебя подальше от воды, на обед муравьям, гнида океанская!

Раковина предусмотрительно промолчала, а ее соседи на всякий случай побросали курительные палки и тоже спрятались.

— Вот урод! — с чувством произнес Зивий, плюнул на раковину, собрал дымящиеся палочки и воткнул их горящими концами в сырой прибрежный песок.

Сочтя, что месть осуществлена, он пошел дальше в еще более дурном настроении, чем несколько минут назад.

— Тяни! Толкай! Тяни! Толкай! — Ватага лохматых тушканчиков пыталась сдвинуть с мертвой точки гладкого кожного зверя, выброшенного океаном на берег.

Зверь стонал и охал, пытался ползти, чтобы помочь своим спасителям, но был слишком тяжел, чтобы продвинуться хоть немного.

— Эй! Вы! Помогите! — крикнул нам один из тушканов.

Я думал, что Зивий пошлет их далеко и надолго, но тот неожиданно сказал:

— Давай попробуем. Нечего толстяку подыхать без воды. Эй, вы! Хватит носиться! Ваша помощь нужна! — крикнул он похожим на богомоллов хищным созданиям, играющим друг с другом на отмели.

Страшные чудовища, каждое величиной с лошадь, с фасеточными глазами, приблизились к нам иноходью и стали тянуть серую тушу по направлению к океану, а я с боздуханом и тушканчиками — толкать.

Попавший в беду морской зверь каждый раз громко охал и поминал Богородицу, отчего у лохматых грызунов сразу начиналась истерика, они хихикали, падали на спины и дергали розовыми лапками. Их смех был столь заразителен, что в какой-то момент я сам расхохотался, так как ситуация была нелепейшая до невозможности.

Я, окруженный целым роем странных существ, занимаюсь на океанском берегу каким-то безумием, пытая от натуги и пихая серого тюленя, явно знающего «Pater noster»¹.

¹ «Отче наш».

Слава создателю, что меня не видит Проповедник, вот уж кто бы не удержался от пары едких словечек.

— Что ты ржешь? — расสวิрепел Зивий, по роже которого стекал пот. — Уже жалею, что не повел тебя через лес.

Чтобы протащить охающего «тюленя» жалких двадцать ярдов, нашей дружной артели понадобилась куча времени и еще несколько подключившихся помощников, лишь один из которых более-менее походил на человека.

— Достаточно, — наконец сказал боздухан, похлопав спасаемого по боку. — Здесь тебя уже заберет прилив.

— Спасибо, ох-ох, — сказал тот.

Мы оставили его в окружении тушканов, которые хохотали теперь уже целой командой, повизгивая на весь берег.

— И часто у вас такое веселье? — полюбопытствовал я, засунув руки в карманы легкой куртки.

— Каждый день. Поторапливайся, напарничек. Нам еще назад возвращаться. Так, а вот к этой не приближайся. Она ненормальная, да к тому же еще и голодная.

Лохматый, ярко-зеленый, под стать весенней листве, паучина бесцельно бродил по пляжу. Из его спины по пояс торчала дряхлая ведьма с неопрятными волосами и неоправданно длинными руками. Взгляд у нее был тяжелый и нехороший, пробирающий до костей.

Болотная ведьма пристально следила за нами до тех пор, пока мы не отошли от нее на порядочное расстояние, и после быстро поползла к далекой воде, собирая в сумку огромных ярко-алых морских звезд.

Оживленный участок пляжа закончился, и теперь мы видели лишь носящихся чаек, пронзительно и неприятно вопящих, когда между ними возникали драки за выброшенных прибором рыб.

Идти оказалось неблизко, и через какое-то время в боку вновь появилась боль. С каждым шагом она становилась все сильнее.

— Передых, — сказал я Зивию, усаживаясь на темно-желтый, больше похожий на пыль песок и держа руку на пульсирующей ране.

— Да-а-а, страж, ты сейчас не в лучшей форме, — кисло проронил боздухан. — Тебе не душ надо ловить, а цветочки

выращивать. Пожалуйста, не развались, иначе меня ждет неприятный разговор с Софией.

— Ради тебя я очень постараюсь, — отозвался я, глядя, как в кустах рожим пятном мелькнул лисий хвост. — Удивлен, что ты знаешь такие слова, как «пожалуйста».

— Я еще и спасибо знаю, — небрежно бросил Зивий, ковыряясь в ухе. — Вот только не считаю нужным пользоваться вашими человеческими заморочками. Я вообще, знаешь ли, не слишком жалую ваше племя.

— Спасибо за откровенность.

— Пожалуйста. Как будешь готов, скажи. Пойдем дальше. Деревня во-он за теми скалами. Недалеко осталось.

Я смотрел на волны, каждая из которых была чуть больше предыдущей. Океан, совсем недавно спокойный, начинал пока еще негромко рокотать. Наступало время прилива.

Боль медленно отступала, разжимая ядовитые коготки.

Я провел рукой по прохладному песку, и мои пальцы зацепились за присыпанный песчинками камушек. Он был маленький, тепло-красный, с медовыми разводами.

— Смотри. — Я показал Зивию, но тот не проявил никакого интереса, отмахнувшись:

— Этого добра здесь хватает. Океан выбрасывает их постоянно, надо всего лишь порыться в песке.

— Ведьмы говорят, что янтарь обладает множеством волшебных свойств, — сказал я, убирая находку в карман.

— А что, у тебя есть в знакомых ведьмы? — удивился боздухан.

— Представь себе.

— Это та, которая просила за тебя у Софии, что ли?

— Все-то ты знаешь, — криво усмехнулся я.

— Люблю подслушивать, знаешь ли, — нисколько не смутился мой спутник. — Столько всего нового можно почерпнуть.

— Тогда, быть может, ты немного расскажешь мне о виктах?

Зивий шмыгнул носом:

— Дикари. Кроважадные варвары. Приперлись на нашу землю, пытались наводить свои порядки, пока им не показа-

ли, кто тут хозяин. Что с вас, людей, возьмешь? Вечно хотите быть главными, хотя только и можете, что махать мечами.

— А что викты? Смирились с правилами Темнолесья?

— Ну они же хотят выжить. Конечно, смирились. Или сделали вид, что смирились. В глубину леса не заходят, местных не трогают. Себе дороже. В основном занимаются тем, что воюют с дальними родичами на Волчьих островах.

Я встал, отряхнул штаны, показал провожатому, что мы можем идти.

— Ты частенько бываешь в деревне?

— Не так часто, как хотелось бы. Они, кажется, начали подозревать, что во мне не так много божественного,— с печалью сказал Зивий.— Меня там все еще рады видеть, но уже не закатывают праздники и не предлагают девственниц.

— Там есть люди с даром? Способные видеть души?

— Если и есть, мне об этом неизвестно. Я, признаюсь честно, больше интересовался дармовой выпивкой и жрачкой. Ну еще и девками. До умалишенных мне не было никакого дела.

— А колдуны и ведьмы?

— Что ты. Передохли во время драки за берег. У виктов было несколько деревень, и они мотались в лес отрядами, вырубая волшебные деревья. Так что нашим пришлось дать им понять, что они недовольны чужаками. Тогда-то колдунам и ведьмам варваров пришел конец, а новые так и не появились. Их вождь каждый год поднимает рог с вином за рождение знающего, так они называют волшебников, но пока что-то боги не слышат его молитв.

— Бог плодородия у них вроде ты. Так что это твоя прямая обязанность обеспечить их новым поколением колдунов,— улыбнулся я.

— Иди ты к черту, страж. Думаешь, почему они перестали со мной носиться? Как раз по этой причине. Вождь считает, что это я не хочу дать им мага. Да ну их к вашему дьяволу, этих виктов. Приносят в жертву своих соплеменников, стоит тем косо посмотреть на вождя. Уже кучу народа извели. Кстати! Всегда хотел спросить у кого-нибудь из людей твоей профессии. Ваши клирики считают, что появление темных душ зависит от количества и тяжести грехов, которые люди

совершили при жизни, а еще от того, как они умерли и как часто исповедовались. Они правы?

— Я смотрю, ты не гнушаешься читать богословские тексты.

— Исключительно те, что забывает на столе Гуэрво. Так каково мнение стражей?

— Почему тебя это интересует?

— Я любопытный.

— У меня нет ответа.

— Шутишь?

Я вздохнул:

— Церковь в чем-то права, это неоспоримо. Количество и тяжесть грехов, а также причина смерти и отсутствие ритуалов влияют на появление темных душ, но как это меняет их, никто не знает. Почему в одном месте появляется убавляющая плоть, а в другом при схожих обстоятельствах лакальщица — неизвестно.

— Разве ваше Братство не пыталось разобраться с этим вопросом?

— У Братства и без этого полно дел. Нас слишком мало, чтобы посвятить себя теории. Мы едва успеваем очищать мир от порождений мрака.

— Теория — основа практики.

Я посмотрел на него с сомнением:

— Готов поставить дукат, что это слова Гуэрво.

— На кой черт мне с тобой спорить, особенно когда я проигрую? Мы, кстати, уже пришли.

Издали деревня виктов особого впечатления на меня не произвела. Дыра дырой. Такая же, как на востоке Золяна или в лесах Ньюгорта. Серый высокий частокол, из-за которого виднелись крыши точно такого же цвета. Торчащая, словно перст, сторожевая вышка, где никого не было, распахнутые ворота — возле них в грязи валялись одомашненные дикие свиньи.

— Унылое местечко ты выбрал для того, чтобы стать богом,— высказал я свое мнение.

— Просто сейчас здесь никого нет. Воины ушли на баркасах к Волчьим островам сражаться и воровать женщин. А вот когда вернуться и принесут в жертву нескольких врагов, зака-

тят пир и будут пьянствовать всю осень и часть зимы. Тогда будет повеселее. Обязательно сожгут какой-нибудь дом и на кого-нибудь натравят медведя.

— Хороший досуг, ничего не скажешь. И сколько сейчас здесь жителей?

— Ну человек восемьдесят наберется. О чем ты думаешь?

— О том, что принесенные в жертву — отличный способ завести под забором темную душу. Где приносятся жертвы?

— Да прямо напротив дома вождя.

Значит, это место следует проверить в первую очередь. К примеру, алтарь, впитавший в себя реки крови, вполне может стать одушевленным или вокруг него начнет бродить какая-нибудь пакость.

— Здесь часто умирают люди?

— Каждый год, — хохотнул Зивий. — Напьются, и кто-нибудь обязательно проломит другому черепушку молотом или пырнет ножом в живот из-за проигрыша в кости.

— Я о необъяснимых смертях.

— А они все необъяснимые! — заржал боздухан. — Викты утром просыпаются, а какой-нибудь Хвьюрд сын Бьюрда лежит с распоротой глоткой в луже крови и кислого эля, и никто не помнит, как он умер. Когда начинали пить, вроде был жив, а теперь уже летит на крылатом коне в чертоги к предкам. Никакие темные души убитых пленников здесь не орудуют, можешь быть спокоен. Им совершенно не надо напрягаться. Живые сделают за них всю работу.

Первыми нас встретили игравшие в войну чумазые мальчишки. Когда я их увидел, они занимались тем, что срезали одежду со своего приятеля, привязанного ко вкопанному в землю столбу. Ничего не скажешь — интересная игра. Надеюсь, они не собирались снимать с него еще и кожу.

Заметив нас, дети побросали игрушечные копья и луки и рванули назад, в деревню, оставив друга связанным и вопящим от ужаса.

Зивий подошел к «пленнику», придиричиво его изучил и предложил мне:

— Старая ведьма, что живет на болоте, обещала за живого мальчишку много золота. Давай оттащим его ей? Она давно не ела человечины.

ГЛОССАРИЙ

Альбаланд — крупное государство на северо-западе Центрального континента.

Королевство, ранее являвшееся материковой частью Ньюгорта, получило независимость после череды кровавых войн, последняя из которых завершилась морским сражением в бухте Ожидания победой Альбаланда.

Известно сильным флотом, мореходами, путешественниками, первооткрывателями и тем, что оказывает полную поддержку стражам, которые организовали на его территории школу и свою штаб-квартиру.

Политика стражей достаточно сильно влияет на политику страны — четверо магистров Братства стражей входят в королевский совет. Процент от доходов Братства уходит в королевскую казну (аренда земель, право находиться на территории страны), что делает Альбаланд одним из самых богатых государств со стабильной экономикой.

Альта — иное существо. Умеет читать мысли и принимать человеческий облик. Практически уничтожены.

Ангжис — иное существо. Живут крупными кланами в Кайзервальде и его окрестностях. Лояльны к людям. В кланах ангжисов — матриархат, женщины являются правителями. Каждые восемь лет кланы устраивают большие сражения. Победивший клан получает право быть главенствующим на следующий «правлящий цикл».

Ангжисы — отличные воины и охранники. Охотно служат людям.

Арафeya — родина Иисуса, далеко на юго-востоке от Центрального континента. Была отбита арафейцами у хагжитов после его рождения и стала независимым государством на одно тысячелетие. Затем двести сорок два года являлась Ко-

ролевством Гроба Господня, пока хагжиты не выбили крестоносцев обратно на Центральный континент и не восстановили контроль над Арафеей.

Арденау — столица Альбаланда. В городе расположена штаб-квартира стражей и знаменитая школа Братства.

Барбург — карманное герцогство, недалеко от земель кантонов и Вальзофской горной цепи. Герцог Барбурга является номинальным владыкой, тогда как вся власть сосредоточена в руках кардинала, а следовательно, Церкви.

Несмотря на это обстоятельство, Барбург является просвещенным, светским государством, с толерантностью относящимся к волшебству и иным существам. Именно здесь проживает самое крупное сообщество ведьм и колдунов, лояльных к Церкви. И именно в этом герцогстве был выдан первый патент волшебникам, принявшим крещение.

Богежом — столица княжества Фирвальден, расположена на севере государства.

Боздухан — иное существо. Полностью истреблены на материке из-за своей внешней схожести с чертями. В старину ошибочно считались богами урожая и плодородия.

Братство стражей — история Братства как официальной организации начинается со времен императора Августа, когда он повелел создать орден воинов, борющихся с темными душами. До этого времени стражи в большинстве своем действовали отдельно друг от друга, без четкой организации, лишь иногда объединяясь в городские ремесленные союзы. Несколько следующих императоров, а затем и королей-варваров, захвативших земли империи, поддержали идею развития ордена из-за большого количества темных существей в мире.

Довольно долгое время штаб-квартира стражей находилась в Прогансу, но из-за конфликта с королевским домом этой страны стражи переехали в Альбаланд по приглашению короля Ульрика Скрыги.

Руководит Братством совет магистров, количество которых раньше варьировалось, а теперь равняется пятнадцати.

Бригады наемников — наемные отряды, преимущественно из Лезерберга, Фрингбоу и кантонов, служащие за деньги

князьям, герцогам и торговым союзам. В отличие от наемных отрядов других стран бригады являются маленькими частными армиями, финансируемыми в основном городами и формируемыми из числа их жителей. Соответственно часть заработанного во время кампаний уходит в казну города-кровителя.

Бробергер — крупное королевство, обладающее сильной армией и лучшей артиллерией. Столица — Айзергау.

Королевство просвещенных, как его называют в других странах. На его территории расположено несколько университетов, в том числе и лучший из медицинских, созданный на основе хагжитских медицинских знаний, которые восточные люди собирали тысячелетиями. По приглашению короля в Бробергере живет большое количество лучших ученых Центрального континента, развивающих науку, а также художников и скульпторов. Бробергер является главной сокровищницей христианских святынь в мире после Ливетты, столицы Святого Престола.

Бьюргон — королевство, соперничающее с Удальным за обширные территории на юге. В данный момент у власти находится семья узурпатора — мелкие бароны, уничтожившие предыдущую династию во время восстания и захватившие королевский трон.

Валиты — монашеский орден, разбогатевший во время крестовых походов и вывезший сокровища арафейских династий из завоеванной страны. Выражение «богат, словно валиты» — очень распространено. Как говорят, валиты являются главными «спонсорами» церковных князей.

Варяы — иное существо, повелитель тумана, сам способный им становиться, если на него посмотрит человек.

Вашский университет — конкурент Савранского университета. Расположен в столице Бробергера — Айзергау.

Ветеция — королевство, имеющее большое количество колоний на островах и Черном материке, ведущее постоянные войны с хагжитами. Поддерживается Церковью ради распространения веры среди язычников дальних стран.

Виенго — иное существо. Способен принимать облик жи-

вотных, чаще всего оленя. Обладают магией, жестоки, кровожадны, не любят людей и являются королями лесов.

Визаган — иное существо, опасный людоед, обладающей магией подчинения. Очень опасны и практически неуязвимы для магии.

Викты — племена варваров, населяющие Волчи острова. В прежние времена часто совершали набеги на северо-западное материковое побережье.

Вион — третий по размеру город Фирвальдена.

Витильское княжество — горное государство, зажатое между Ровалией и Ольским королевством. Является оплотом еретических учений и колдунов. Церковь Витильска не признает законов Святого Престола, индульгенций, божественности Христа, Троицы и Непорочного зачатия Девы Марии. Благодаря сильной армии, горной местности и помощи чародеев успешно противостоит нападениям христианских государств. Имеет выход к морю и при содействии чародеев, способных противостоять блокаде на море, ведет торговлю с Хагжитским халифатом. Пользуется негласной поддержкой со стороны просвещенной знати Ровалии.

Воины Константина — цепь из статуй колоссальных размеров, протянувшаяся через все южное Прогансу с востока на запад (от восточной границы до океана). Мощные артефакты древности, не дающие темным душам заходить в центр страны. Уничтожены Носителями Чистоты после изгнания стражей из Прогансу.

Гестанские княжества. Обычно различают Западное и Южное — крупные княжества и Северное, Белое, Лиловое, Лесное, Свирепое и Громкое — более мелкие княжества. Все они заключили между собой военный и торговый союз. Товары торговцев из соседних областей Гестанства не облагаются налогом, введены законы, смягчающие наказание гостей. В княжествах живут крупные общины иных существ.

Гилин — иное существо. Умеет читать мысли и насылать кошмарные видения. Всеядны, ненавидят людей и особенно — клириков. Обитают в городах в человеческом образе, сильные колдуны.

Грейн — крупнейшая река Центрального континента, бе-

рущая свое начало в Вальзофской горной цепи и протекающая через несколько стран.

Гьйендайвье — иное существо. Госпожи страсти, обладающие сильной природной магией, смущающие людей желаниями, умеющие управлять своими жертвами на расстоянии. Одна из древнейших рас на Центральном континенте. Уничтожены во время нескольких военных походов, организованных церковью.

Далекие острова — архипелаг, открытый мореходами Ветции.

Дерфельд — один из городов государства Фрингбоу, славящийся своей наемной бригадой. Находится на отрогах Агалаческих гор, которые в свою очередь являются частью Вальзофской горной цепи.

Дискульте — самая южная страна Центрального материка. Именно там находится знаменитый Каменный мыс, где последние годы жил и умер апостол Петр. Мыс — святое место для каждого верующего, и ежегодно, в июне, множество паломников из всех стран приходят туда, чтобы поклониться святым мощам и получить прощение всех грехов.

Еретические государства — Витильское княжество и Золян.

Есфар — жаркая страна, завоеванная хагжитами и считающаяся родиной множества арафейских пророков, живших там до исхода в Арафею.

Жгун — иное существо. Лесной житель, обладающий сильной природной магией огня, из-за чего по ошибке был причислен к адским созданиям. Уничтожение жгунов ни к чему хорошему не привело. Несколько сотен этих существ едва не сожгли Ливетту и остановились только тогда, когда Папа вышел к ним и дал слово, что их оставят в покое.

Законники — см. Орден Праведности.

Знак — мощная атакующая магия стражей, видимая обычным людям и имеющая разнообразные формы и размеры.

Золян — одно из двух еретических государств, союзник

Витильского княжества. В отличие от последнего там верят в целый пантеон богов и лесных духов, настороженно относятся к стражам. На территории болот Золяна находится прямая дорога в ад, через которую периодически на Центральный континент проникают демонические сущности. Дружины Золяна сдерживают нечисть без церковной помощи, что тоже является ересью, но благодаря их полезности на общем собрании христианских государств было решено не трогать Золян, не насаждать там истинную веру и предоставить их самим себе, во всяком случае, пока Церковь будет не готова объявить новый крестовый поход.

Илиата — некогда часть одной большой страны, уничтоженной взрывом мощного вулкана из-за появления из его жерла демонов несколько тысячелетий назад. На данный момент — отдельное государство, почти три сотни лет находящееся под гнетом хагжитов, но отвоеванное во время восстания христианских жителей, поддержанных финансовой помощью со стороны Церкви, флота Ветеции и десанта Дискульте.

Иные существа — общее название других рас, живущих рядом с людьми.

Йомернская порода — порода собак, выведенная в Ньюгорте. Свирепые, лохматые псы славятся тем, что на всю жизнь признают только одного хозяина и слушаются только его приказов.

Искровик — иное существо, родственное жгунам, но в отличие от последних обладают магией огня только в период новолуния.

Каварзере — герцогство, расположенное на полуострове Южного моря. Знаменито своими винами, лошадьми и святыми местами.

Кайзервальд — Королевский лес, или Темный лес. Большой лесной массив в Бьюргоне, прибежище иных существ.

Каликвец — боевой монашеский орден. Воины Господни. Проявил себя в крестовых походах, в борьбе с нечистью и колдунами. Монахи ордена обладают сильнейшей церковной магией и являются великолепными бойцами.

Каменные феи — иные существа. По слухам, исполняют желания, требуя за это безымянный палец.

Кветы — сказочные духи-паучата, по легенде ткущие саваны для праведников. На самом деле — иные существа, обитающие в дуплах деревьев возле заброшенных дорог. Попросить их о помощи может только сильная ведьма.

«Кодекс теней» — законы Братства, которые предписано исполнять всем стражам. Например: уничтожать только темные души, владеть только одним кинжалом, регулярно сдавать кинжал на проверку для учета собранных душ, подчиняться приказам магистров и пр.

Копняк — иное существо. Может взаимодействовать с душами, обладает волшебными способностями, живет преимущественно в стогах, может причинять вред крестьянам, если его не задобрить.

Котерн — столица королевства Фрингбоу.

Кровавый буран — неизвестное явление, раз в десятилетие появляющееся на пустующих трактах, заброшенных лесных дорогах и уничтожающее все, что встречается на его пути.

Лавендузский союз — или Торговый союз Четырех братьев. Создан в Альбаланде на основе частного купеческого предприятия. На нынешний момент является богатейшей торговой организацией с представительствами во всех странах и во многих городах.

Лагонеж — княжество на западе материка, поддерживающее стражей и отказывающееся вступать в союз с Прогансу. Знаменито тем, что десять Пап подряд были выбраны из числа кардиналов Лагонежа.

Лезерберг — главный соперник и враг княжества Фирвальден, претендующий на его территорию.

Ливетта — столица Литавии. Здесь расположен Святой Престол.

Лисецк — столица Бьюргона.

Лисецкий бунт — знаменитый бунт, возникший среди черни, недовольной городской управой, отменившей праздничные мероприятия из-за отсутствия денег и плохой погоды. Пущенный кем-то слух, что все деньги украл бургомистр и на этот раз дармовой выпивки не будет, привел к четырехднев-

ным уличным боям, погромам, пожарам, мародерству и гибели большого количества людей. Бунт был жестоко подавлен королем, по приказу которого в город были введены части регулярной армии. Зачинщиков четвертовали на центральной городской площади.

Литавия — сообщество городов-государств, княжеств и герцогств, объединенных в одну страну под знаменем Святого Престола.

Лонн — столица Удальна.

Люс — один из кантонов, также называемый кантоном ведьм из-за того, что здесь прошла самая крупная единовременная казнь ведьм (четыреста три ведьмы).

Малисски — женский монашеский орден.

Мальм — столица Лезерберга.

Нарара — морская держава, соперничающая с Альбаландом и Ветецией в распространении влияния на заморские земли. Единственная страна Центрального континента, на территории которой обитали демоны. Христос изгнал их отсюда и запечатал адские врата.

Носители Чистоты — государственная организация, созданная в Прогансу и охотящаяся на территории страны за стражами. Состоит преимущественно из фанатиков, выискивает и уничтожает стражей, а также тех, кто им сочувствует и симпатизирует.

Ньюгорт — островное государство, некогда одно из самых могущественных, возникшее после развала империи, когда та была покорена варварами. Именно в Ньюгорте в то время базировался последний из великих легионов. В последующие шесть сотен лет королевство захватило обширные территории на Центральном континенте, но спустя время потеряло их после ряда неудачных военных кампаний. Последние отошедшие от Ньюгорта территории стали называть Альбаландом.

В данный момент существует обособленно и закрыто для посещения чужаков.

Одушевленные — предметы, в которых по непонятным причинам зародилась светлая или темная душа. Достаточно редкое и малоизученное явление. Сильные одушевленные

могут на некоторое время покидать предмет и бродить в его образе. Чем сильнее одушевленный, тем дольше он может обходиться без возвращения в свою «оболочку».

Окулл — разновидность темной души. Очень опасна, отличается большой проворностью. Даже маленькая рана от когтей окулла является смертельной.

Ольское королевство — основной враг Чергия, претендующий на его территорию и вот уже вторую сотню лет пытающийся добиться от Ливеттского Престола буллы, признающей исконное право за королевской династией Ольска владеть спорными территориями.

Орден Праведности (*Lex priogia. Lex talionis*) — организация, считающая стражей опасными, созданная на основе финансирования нескольких правительств из числа стражей-бунтовщиков. На данный момент исполняет роль полицейских, контролирующих действия Братства. Люди Ордена имеют точно такой же дар, как стражи (т. е. видят души), но в большинстве своем их магические возможности гораздо слабее, и они не охотятся на темных существей.

Орденом управляют жрецы.

Первые — королевская династия Прогансу, потомки которой в той или иной степени в данный исторический период находятся на престолах множества других государств. Основателем династии Первых был император Константин.

При — небольшое морское государство южнее Фирвальдена.

Прогансу — крупное королевство на западе Центрального континента, одно из ведущих на политической арене. Известно тем, что не допускает стражей на свою территорию, где Братство находится вне закона.

Конфликт со стражами возник после того, как Братство отказалось (по другими источникам — не смогло) помочь в спасении королевской династии Первых от темных душ. Из-за бездействия стражей все прямые потомки императора Константина были уничтожены, Братство объявлено преступниками и изгнано из страны. Большое количество стражей погибло там из-за того, что их объявили вне закона. С тех пор доступ стражей в Прогансу запрещен, их функции разде-

лили между собой Церковь, Носители Чистоты и Орден Праведности, хотя справляются они с сильными душами из рук вон плохо, поэтому несколько юго-западных провинций государства считаются опасными для жизни, так как там развелось большое количество темных душ.

Псы Господни — отдел церковной инквизиции, владеющей магией и борющейся не только с обычной ересью, но и с колдунами, ведьмами и порождениями ада.

Пулу — столица При.

Риапано — столица веры, город-замок, расположенный в центре города Ливетта.

Ровалия — вторая страна на Центральном континенте, где стражи находятся вне закона в связи с тем, что государство не желает платить Братству за контроль над душами. Ровалия единственная страна, где по необъяснимой причине не появляются темные души.

Ругару — иное существо-получеловек. Порождение древнего проклятия, часто — плод любви ведьмы и демонической сущности. Порой ругару называют оборотнем, хотя к обычным вервольфам он имеет крайне отдаленное отношение и ближе к нечисти, адским псам и темным терьерам ночи.

Руже — столица Прогансу.

Савранский университет — старейший университет Центрального континента, главный конкурент Вашского университета. Был основан по приказу сына императора Константина. Среди выпускников университета большое количество известнейших ученых, писателей, художников, философов и лекарей, изменивших представление о науке и искусстве.

Садодд — библейский город на территории Арафеи, где жили солдаты императора Селестина. Город, погрязший в грехе и уничтоженный ангелами Господа за один час вместе со всем населением.

Сарон — княжество на юге Центрального материка, где большинство жителей — потомки хагжитов, смешавшиеся с местным населением. В Сароне правит султан, а не князь, но вместе с тем в государстве христианская религия. Сарон славится своей непримиримой позицией, противящейся истин-

ной хагжитской вере богатством, роскошью, дорогими дворцами и фейерверками. В княжестве уничтожаются любые иные существа и не запрещено рабство.

Саронский шелк — производится в Сароне, единственной стране на Центральном континенте, обладающей секретом разведения шелкопряда. Саронский шелк является ценной роскошью, за которую в былые времена покупались целые графства.

Сигизия — часть некогда цельной страны (другая часть — Илиата), уничтоженной взрывом огромного вулкана. Остров до сих пор находится под властью хагжитов и является прибежищем для хагжитских пиратов.

Скирр — иное существо, внешне похожее на бородатого карлика, живущее под землей, в пещерах, в горах. Обладает сильной магией земли, недружелюбен к людям.

Солезино — столица герцогства Каварзере.

Старга — иное существо. Кровопийца, охотящаяся на людей. Обладает сильной магией исцеления. Чтобы жить, старге требуется пить кровь один раз в месяц, сельдерей является для нее смертельным растением.

Степняна — иное существо.

Стражи — представители Братства, люди, обладающие способностью видеть души и одушевленных. Охотники за темными душами.

Темнолесье — самый загадочный из лесов, занимает территорию, равную целой стране, на острове в море. Последний оплот иных существ.

Темные души — сущности, остающиеся после смерти некоторых грешников, способные переродиться и изменять облик, который сильно отличается от человеческого. Остаются в этом мире, так как боятся суда и ада. Причиняют вред живым людям, за счет которых и существуют в нашем мире.

Тинник — иное существо. Водяной.

Топлун — иное существо. Охотится на людей, утягивает в омут, где пожирает.

Тринс — второй по величине город Фирвальдена.

Удальн — герцогство, конкурирующее с Бьюргоном. За последние сто лет воевало с ним восемь раз.

Фалед — столица кантона Лис. Здесь добывают руду, из которой делают фаледскую сталь.

Фигура — одна из сторон магии стражей. *Фигура*, в отличие от *знака*, невидима обычным людям, гораздо менее разрушительна и в основном применяется не как атакующее заклинание, а как способ ослабить душу, вынудить ее появиться, отступить и т. п. Впрочем, существуют и атакующие *фигуры*, но их мало.

Физ — иное существо. Живут в лесу, часто впадают в спячку и срастаются с деревьями в единый организм.

Фирвальден — княжество, воюющее с Лезербергом. Известно в основном торговыми союзами и вольностями, а также тем, что когда-то поддержало идею создания Ордена Праведности, выделив стражам-бунтовщикам большие денежные кредиты.

Фрингбоу — небольшое государство, разделенное горной цепью на две половины.

Хагжиты — жители восточных стран, которым запрещен въезд в большинство христианских государств, если на то нет особых разрешений или распоряжений. Несколько общин хагжитов (в основном купцов) есть в южных странах Центрального континента.

Чергий — некогда одна страна с Ольским королевством, отколовшаяся от него после войны за престол. Чергий и Ольское королевство до сих пор спорят, какая из династий имеет большее право находиться на троне, и не могут решить вопросов независимости государств.

Шапри — иное существо, также называемое адским лесничим. Живет в симбиозе с лесом.

СОДЕРЖАНИЕ

История первая. ТЕМНОЛЕСЬЕ	5
История вторая. ОТХОДНАЯ МОЛИТВА	74
История третья. ВИЗАГАН	134
История четвертая. АУТОДАФЕ	165
История пятая. КЛИНОК МАЭСТРО	234
История шестая. ПЫЛЬ ДОРОГ	329
<i>Глоссарий</i>	397